

УДК 343.35:17

Д.В. МИРОШНИЧЕНКО,

кандидат юридических наук

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»

КОРРУПЦИЯ В СТРУКТУРЕ МОДЕЛЕЙ НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье раскрывается проблема коррупции сквозь призму понятия долга, сформулированного в контексте моделей нравственного поведения: жертвенной (христианской) и утилитарной; выявлена роль современного утилитарного сознания в выборе коррупционного поведения и определены условия для оптимальной действенности публичного долга.

Ценность и отношение к ней со стороны субъекта открывает нам путь для построения наиболее обобщенных теоретических моделей нравственного поведения, то есть поведения, формирующегося на основе ценностного отношения человека к какому-либо аспекту его бытия. Особенно актуальным это представляется в рамках публично-правовых отношений, отношений «власти-подчинения». Правильное определение приоритета при избрании нравственного поведения играет здесь важную роль, поскольку велик риск причинения вреда многим.

Цель построения теоретической модели нравственного поведения в целом носит методологический характер. Такая модель, несомненно, послужит своеобразным мерилom или, иначе говоря, наглядным образцом, в соответствии с которым необходимо выстраивать какие бы то ни было отношения: политические, социальные, правовые и т.д.

Таким образом, построение модели, поскольку оно будет осуществляться на основании представлений о нравственности в конкретном историческом контексте, тем самым позволит выявить, что не было нравственным на том или ином этапе развития общества и что не является нравственным теперь. Модели поведения, о которых пойдет речь ниже, разумеется, представляют собой упрощенные теоретические построения. Но, как известно, упрощение есть средство любого теоретического анализа.

Антикоррупционная модель поведения есть, по сути, модель нравственного поведения, однако не всякого человека, а лишь того, который обладает властным ресурсом. В самом общем виде

под коррупцией понимается «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» [1]. Таким образом, в противоречие при коррупционном поведении вступают публичный и частный интерес, при котором нравственный приоритет следует за общим, публичным интересом. Поведение, соответствующее публичному интересу, следует называть *должным (некоррупционным) поведением*.

Понятие коррупции обретает свой теоретический и практический смысл только при сформированном представлении субъекта о сущности долга. Долг является важной категорией, позволяющей установить границу между *коррупционным* и *некоррупционным*. Однако следует помнить, что не всякое отступление от долга коррупционно, но становится таковым в том случае, если нарушается общественный, публичный долг, то есть долг государственного служения.

В самом общем виде «долг» представляет собой этическую категорию или категорию морального сознания, которая одновременно является и представлением о форме предъявления нравственного требования и представлением о личных моральных обязанностях [2].

Всякий вид долженствования вырастает из той социальной практики, в которую оказывается вовлеченным человек, и представления о каждом виде фактически очерчивают минимум требований, которым человек должен подчиняться в том случае, если он оказывается носителем некоторого формально определенного социального статуса. Однако в силу неоднородности общественных отношений социальный статус личности также проявляет свое многообразие, которое неизбежно

но приводит к возникновению конфликтных ситуаций между различными представлениями субъекта о должном. А данный конфликт является борьбой мотивов, разрешение которой видится только в победе одного из них.

В.Н. Кудрявцев, исследуя проблему конкуренции мотивов преступного поведения, справедливо указал на их относительную нравственную природу, в связи с чем они могут быть как негативными, так и позитивными, в зависимости от сложившейся ситуации: гордость, самоуважение, сексуальность, агрессия, любовь и ревность, стремление подчиняться, страх, риск и т.д. [3, с. 68]. Автор, определяя дихотомии некоторых негативных/позитивных мотивов, в частности, выделил среди них следующий: *иная личная заинтересованность/общественный долг* [3, с. 67].

Проблема долга и нравственного отношения к нему со стороны субъекта является важным моментом, раскрытие которого позволяет рассмотреть данную проблему в историко-культурной ретроспективе, что поможет произвести построение соответствующих моделей нравственного поведения, первыми из которых мы выделим **стоическую и жертвенную (христианскую) модели**.

Огромный вклад в разработку представлений о долге как самостоятельном мотиве нравственного поведения внесли стоическая философия и христианская этика, которые абсолютизировали в своих учениях понятие о должном как трансцендентальном основании бытия человека, произведя его отрыв от сугубо прагматических мотивов. Иначе говоря, человек при соблюдении определенных предписаний, имеющих божественное происхождение (заповеди, законы космического порядка), *a priori* действует согласно морали, что в конечном итоге приведет к его спасению, создаст условия для пребывания в гармонии с космосом. Человек, следующий закону, является достойным Царства Божия и тогда, когда он не имеет успеха в практических делах, является бедным или несчастным в личной жизни. Таким образом, концепция греха (для христианства) и учение о согласии поведения с природой (для стоицизма) не просто создали основу для выделения дефектов характера, пороков и слабостей человека, но и основу для противодействия им, путем производства

духовных практик (упражнений), при которых формируется нравственный характер, и в этом состоит проявление человеком заботы о самом себе. Истинной ареной морали является одна лишь воля, противостоящая любым страстям, склонностям к удовлетворению личных потребностей в ущерб всеобщему благу.

Следует отметить, что предложенные нами модели (стоическая и жертвенная) в чистом виде практически не встречаются, поскольку в своем описании они в максимальной степени абстрагированы от обстоятельств и основаны на восприятии некоего высшего законодателя, трансцендентной сущности, заключающем в себе истину, на которую и следует ориентироваться. В правовой реальности не находится места для подобного основания, поскольку истина заключена в самой материи права и для того, чтобы следовать ей, необходимо следовать правовым предписаниям. Они не есть следствие естественного установления (это уже вопрос веры), а есть положенные государством правила поведения, наличие которых обеспечивает порядок в современном обществе. Источником позитивного права является власть, которая в данном контексте способна отвечать за свой нормативный продукт и за те последствия, которые им создаются. Обеспечение права в современном обществе есть дело видимого установления, а не некоего трансцендентного источника, который самодостаточен в своей сущности. Ответственность появляется тогда, когда появляется свобода. И здесь мы переходим к описанию еще одной модели нравственного поведения – **утилитарной**.

Итак, выход из конфликта мотивов, обозначенного нами как *иная личная заинтересованность/общественный долг*, с точки зрения стоика или христианина, однозначно определен в пользу общественного долга, поскольку он соответствует божественному закону, обратная же ситуация говорила бы о нравственной гибели личности.

Однако с эпохи Просвещения и Реформации незыблемость неких трансцендентных сущностей была поставлена под сомнение развивающимся рационализмом. Эта проблема позволила человеку по-новому взглянуть на дихотомию *личная заинтересованность/общественный долг*, требующую принципиально нового рационального

осмысления критерия выбора, с которым человек с утратой концепции греха остался наедине. На этой почве развитие получает утилитаризм, который явился главной оппозицией кантианству и всей новоевропейской этике, в силу фундаментально иной стратегии обоснования морального должностования, в основании которого лежит «принцип полезности» [4].

Христианская, как и кантианская этика, основана на мотиве и намерении, тогда как утилитаризм основан на конечном результате, то есть на поступке. Удовольствие, которое само по себе является добром, а страдание, соответственно, злом, можно легко подвергнуть калькуляции по единой гедонистической шкале, «взвесить» результат поступка, и в том случае, если окажется, что он ничего хорошего в себе не содержит, оценить его как злой поступок, порочный, не приносящий никакой пользы. Обратное же говорит об обратном.

Утилитаризм, основанный на экономической логике обоснования морали долга, способствовал тому, что человек, оказавшийся на определенном этапе своей жизни перед дилеммой: нарушать или не нарушать свой долг (например, чиновничий), подвергает калькуляции возможный результат в обоих случаях и действует, исходя из того, что принесет ему наибольшую пользу. При этом христианская этика неизбежно вытесняется преобладающей внешней материальной (экономической) мотивацией, что способствовало ее (этики) глубокому кризису.

В результате этой смены парадигм проявилось определенное сходство между моралью долга и экономической теорией обмена. Продемонстрировать данное сходство можно перефразированием знаменитого изречения Христа, произнесенного им в Нагорной проповеди («Золотое правило»): «... Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон», придав ему следующий вид: «Коль скоро я получил ваши гарантии в том, что вы будете обращаться со мной так, как вы бы желали сами, чтобы я обращался с вами, то, в свою очередь, я готов относиться к вам так же». Таким образом, апеллирование к долгу только тогда получает свое обоснование, когда последнее исходит из принципа взаимного обмена определенными гарантиями [5].

Рассмотрим пример наиболее типичного конфликта интересов, возникающего у лица, наделенного различными правовыми статусами. Это лицо может являться порядочным семьянином, заботливым отцом, что может послужить конфликту с надлежащим выполнением статуса госслужащего. Скажем, его суждение может быть построено так: «Я беру взятки, поскольку хочу, чтобы мои дети жили достойно». Когда подобный конфликт возникает, то обоснование обязанности воздержания от нарушения профессионального долга складывается из аргументов в пользу такого воздержания, а ими могут быть различные экономические стимулы (достойная зарплата, карьерный рост; поощрительные санкции: денежные надбавки за выслугу лет и т.д.). В данном случае сложение обоснованных, реальных моральных аргументов в пользу общественного долга создает основания, при которых дихотомия *личная заинтересованность/общественный долг* теряет свою актуальность. Это является следствием осознания того, что только через исполнение общественного долга субъект способен реализовать свои личные потребности (материальное благополучие семьи). Если никаких аргументов в пользу исполнения общественного долга субъекту не предоставляется (или предоставляется, но не в виде реальных гарантий, а в виде смутных обещаний), то для него будет вполне очевидна (исходя из принятой нами логики) вся бессмысленность выполнения требуемого долга. В этой ситуации для субъекта просто не существует долга, так как выполнение его бесполезно.

Однако необходимо отметить, что отсутствие внутреннего признания должностования (легитимации нормы) вовсе не исключает долга внешнего, мерилom которого в обоих случаях выступает правовая обязанность. При этом разрешение противоречия возможно в различного рода правонарушениях, в чем заключается опасность подобного возникновения неравновесной системы взаимных обязательств. В свою очередь, перманентная опасность приводит право в состояние максимального задействования его принудительного потенциала, естественно, исключая его моральное содержание, что, в конечном итоге, может привести к тому, что право будет являться лишь инструментом деспотии, социальная роль

которого будет сведена к защите определенного круга правящей элиты.

В целях недопущения развития такого сценария (с которым, к сожалению, история знакома), общественные отношения необходимо выстраивать на принципе взаимности, когда власть осуществляет в максимально возможной степени все принятые на себя обязательства по отношению к личности, а личность в ответ на честную политику формирует свое правомерное, социально-полезное поведение.

Итак, можно выделить два основных условия для оптимальной действенности долга:

1. Отношение взаимности, из которого возникает обязанность, должно быть результатом добровольного соглашения между сторонами, которых оно непосредственно касается.

2. Взаимные действия должны быть основаны на принципе социальной справедливости, предполагающей равенство в реализации интересов обеих сторон.

Выполнение названных условий – есть основание формирования среды, в которой субъекты общественных отношений воспитываются в духе взаимного уважения интересов каждого, что служит фактором развития и укрепления легитимности власти и снижению уровня коррупции.

Список литературы

1. Wewer G. Politische Korruption. In: Politic-Lexicon. – München, Wein: Oldenbourg Verlag, 1994. – S. 481.
2. Разин А.В. Этика. – 3-е изд., перераб. – М.: Академический проект, 2006. – С. 428.
3. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. – М.: Норма, 2007.
4. Избранные сочинения Иеремии Бентама. Т. 1: Введение в основания нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса / пер. с англ. А.Н. Пынина с предисл. Ю.Г. Жуковского. – СПб.: Издание «Русской книжной торговли», 1867. – С. 2.
5. Фуллер Лон Л. Мораль права: пер. с англ. Т. Даниловой / под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 31–34.

В редакцию материал поступил 15.11.10

Ключевые слова: коррупция, модель поведения, долг, утилитаризм, нравственность, конфликт интересов, польза.

КОРРУПЦИЯ (от лат. *corruptio* – подкуп) согласно международно-правовым документам, – это злоупотребление властью для получения выгод в личных целях. В отечественной криминологии данное явление рассматривается: 1) как элемент организованной преступности; 2) как специфичный вид экономической преступности; 3) как самостоятельный вид преступности; 4) как одна из форм проявления политической преступности.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» термин «коррупция» определяется как: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.